

**УНИВЕРСИТЕТ
ЧЕЛОВЕКА**

ЖИЗНЕННОЕ ПРИЗВАНИЕ: ОТ РЕЛИГИОЗНЫХ И ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ КОНСТРУКТУ

© 2017

П.М. Белобородова

**Белобородова
Полина
Михайловна** —
исследователь-ста-
жер Международ-
ной лаборатории
позитивной психо-
логии личности
и мотивации НИУ
ВШЭ. В журнале
“Человек” публику-
ется впервые. E-mail:
pbeloborodova@
hse.ru

Введение

Современный человек находится в ситуации невыносимой ра-
нее свободы. В. Франкл пишет, что с потерей некоторых базо-
вых инстинктов человек навсегда утратил соединенность
с природой и получил возможность выбора. В последнее время
теряет силу и другой источник регулирования — традиция [18].
Человеку приходится самому делать выбор и выстраивать свою
жизнь. В то же время отсутствие возможностей для реализации
индивидуальности, для продуктивного взаимодействия с окру-
жающими превращает эту свободу в невыносимую неопреде-
ленность и приводит к тому, что Э. Фромм называл “бегством
от свободы” — стремлению передать контроль над своей жиз-
нью кому-то другому [19]. К тому же современный мир постоян-
но меняется, и человеку все труднее ориентироваться в бес-
конечном потоке событий и информации. Человеку необходи-
мо что-то, что могло бы направлять, обеспечивать связанность
жизни, но в то же время оставляло бы простор для изменений,
творчества. Этим вектором может быть существующая с неза-
памятных времен идея жизненного призвания. Сегодня она
привлекает все больше внимания психологов и стала объектом
эмпирических исследований. Однако прежде, чем утвердиться
в научном дискурсе, она прошла долгий и порой тернистый
путь в качестве важного элемента религиозной традиции
и объекта философской рефлексии, и приключения ее на этом
пути сами по себе весьма поучительны. Они и станут предме-
том настоящей статьи.

Исследование вы-
полнено при финан-
совой поддержке
РФФИ, проект
№ 17-06-01009 “Лич-
ностное развитие
в период перехода от
детства к взрослости:
психологические
механизмы, индикаторы
и траектории”.

Трактовка призвания в христианстве

Современные представления о жизненном призвании, бытующие на Западе и в России, укоренены в христианской традиции. Изначально “призвание” понималось прежде всего именно как “призывание” — обращение Бога к человеку для реализации через него особой миссии, либо, в более позднем христианстве, ко всему человечеству — как призывание к новой жизни во Христе. Один из известных примеров— призывание Моисея. Когда он прибыл на гору Хорив со своими стадами, увидел там терновый куст, который горел, но не сгорал. Оттуда донесся глас Бога, который возложил на Моисея миссию спасения еврейского народа из Египта (Ветхий Завет. Исх. 3:1 — 4:16). Другим известным примером является призывание Апостола Павла, первоначально носившего еврейское имя Савл. Он был направлен в Дамаск с поручением от первосвященников предать на мучения скрывавшихся там христиан. На пути он услышал голос Бога, возвестивший, что ему надлежит идти с проповедью учения Христова к язычникам. Он был крещен и наречен Павлом и приступил к своему апостольскому служению (Новый Завет. Деян. 9:1-20).

Другое представление о призвании — как об определенном занятии — берет начало в античности как отказ философа от реализации социальных амбиций. В христианстве оно трансформируется в полный отказ от жизни в обществе [38]. В Средние века посвящение жизни Богу считалось более благородным, чем ежедневный труд [31]. Яркий пример — история Юлианы из Нориджа, жившей в XIV веке. После тяжелой болезни ей явилось божественное откровение. Впечатление было настолько глубоким, что Юлиана более 20 лет прожила в отшельничестве в маленькой пристройке к церкви, где проводила время в молитве, наставляла людей, ищущих духовного указания, и написала теологическую книгу для простых людей “Откровения божественной любви” [35]. В современном католицизме призывание по-прежнему понимается в первую очередь как религиозная деятельность [28].

В эпоху Реформации идеи о призвании распространились на мирскую жизнь. Лютер критикует устройство и принципы Католической церкви и утверждает, что не только служение богу, но любое занятие благословенно [31]. В своих проповедях он вопрошает: “Как может быть, что у вас нет призвания? У вас всегда было определенное положение; вы всегда были мужем или женой, или мальчиком или девочкой, или слугой. <...> Будучи мужем, вы думаете, что у вас недостаточно дел в этой сфере — заботиться о вашей жене, детях, хозяйстве и собственности так, чтобы все было в согласии с волей Господа, и никто не причинял другим вреда?” [39, с. 386]. Таким образом, представление человека о наличии у него призвания выходит за стены церкви. Оно может состоять и в восхвалении

Бога через выполнение ежедневных обязанностей, возложенных на него его социальным положением. Именно это пред- ставление и легло в основу протестантской трудовой этики. Ж. Кальвин и его последователи развивают эту идею через раз- деление призвания на общее (призвание всех Христиан к спа- сению) и личное (призвание к выполнению своей социальной роли). Протестантизм также утверждает идею абсолютного предопределения, которая состоит в том, что Бог предопреде- лил одних людей к спасению, а других — к гибели, и при- надлежность к избранным выражается в демонстрации таких добродетелей, как напряженный труд, предприимчивость и аскетизм в выполнении своего призвания. Теологи позднего пуританизма, во многом под влиянием быстро развивающего- ся торгового сообщества в Англии и Новой Англии XVII века, добавляют, что Бог поощряет добродетельных людей матери- альным успехом в их делах, тем самым санкционируя накоп- ление богатства [40]. С точки зрения М. Вебера, такая систе- ма убеждений сыграла важнейшую роль в формировании “ду- ха капитализма” и развитии современного западного общества [5].

Призвание в других религиозных традициях

Идеи, сходные с христианским призванием, можно найти и в других религиях. Начнем с двух других авраамических ре- лигий. В исламе призвание обозначается арабским словом *на- да* — звать. В Коране используются еще два понятия, близких по смыслу к призванию в его более широком понимании: *да’ва* (призвание, в том числе — к принятию ислама) и *хидайя* (на- ставление). Их значение расшифровывает суфий X века Абу Наср ас-Саррадж в “Китаб ал-лума” (Книге света), ссылаясь на аят “Аллах призывает к Обители мира и благополучия и на- ставляет на прямой путь тех, кого пожелает” (10:25): “призва- ние (*да’ва*) — общее [для всего человечества], в то время как наставление (*хидайя*) — особое для каждого, кто был его удос- тоен, и он отражает божественную волю во всем, к чему он ве- дом” [35, с. 80]. Таким образом, Аллах призывает все человече- ство к вере и указывает конкретный путь служения для отдель- ных людей. В Исламе также очень тонко описывается концепция намерения, предшествующего действию (*нийя*), ко- торая позволяет различать богоугодные и не угодные Богу дей- ствия, даже если те внешне выглядят одинаково. Например, выбор профессии врача может быть обусловлен разными наме- рениями: зарабатывать деньги или помогать людям — и будет оценен по-разному [35].

Для иудаизма идея призвания на первый взгляд кажется чуждой — раввинистическая традиция утверждает, что прямая коммуникация Бога с людьми прекратилась с последними из пророков: Аггеем, Захарией и Малахией. Кроме того, в иудаиз-

Моисей внимает
голосу Господа

ме отсутствует призывание к религиозной службе — раввинами становятся не по божественному указанию, а в силу достижения высокого уровня знания иудаизма, и эта позиция не делает раввинов “выше” других евреев. В то же время еврейские источники содержат ряд понятий, которые можно соотносить с призыванием в более широком смысле. Основным путем служения Богу в иудаизме является соблюдение 613 *мицвот* (предписаний) и *галахи* (традиционного права, регламентирующего и сакрализирующего все сферы жизни и основанного на указаниях в Торе, Талмуде и раввинистической литературе). В раввинистических источниках также фигурирует понятие *бат коль* (глас с небес), помогающий интерпретировать закон в неоднозначных правовых случаях или в спорах раввинов. Также, несмотря на ярко выраженную коллективную направленность иудаизма, в некоторых текстах описываются практики, которые помогают соотносить свои индивидуальные действия с Божественной волей. Например, в хасидических источниках описывается практика *двекут* (соединенность с Богом), в которой Бог становится центром жизни человека, ориентирует и направляет. М. Бубер вообще занимает особую позицию в отношении коллективности иудаизма, он считает, что коллективные *мицвот* лишают возможности прямой, личной встречи человека с Богом[34]. Однако многие религиозные лидеры воспринимают ее как идущую вразрез с традицией.

В религиозных традициях, берущих начало в Индии и на Дальнем Востоке, большинство представлений выглядят и формулируются отличным от авраамических религий образом, однако идеи жизненного призвания человека просматриваются и там. В индуизме, при всем многообразии его традиций и направлений, можно проследить несколько концепций, вполне сравнимых с пониманием призвания на Западе.

Для индуизма, в частности, важно представление о космосе и обществе как об организме, все части которого зависят друг от друга. Каждая функционирует в соответствии со своей внутренней природой (*свабхава*), питая весь организм и, одновременно, питаясь от него. Таким образом, наилучшей деятельностью для каждого человека является та, которая выражает его *свабхаву* [43]. Индийский духовный лидер и философ Шри Ауробиндо (Ауробиндо Гхош) отмечает, что ранее концепция *свабхавы* связывалась с кастовой системой. Следование предписанному данной касте образу жизни считалось наилучшим и естественным для человека путем духовного развития [21]. Современный индуизм постепенно отходит от такого понимания и допускает изменение *свабхавы* не только при перерождении в новой жизни, но и в рамках одной жизни [43]. Идея взаимозависимости накладывает и моральные обязанности, как общие для всех людей (*саманья дхарма*, которая как правило включает ненасилие, правдивость, сострадание и самоконтроль), так и специфические для каждого жизненного этапа (*ашрама дхарма*). Бхагавадгита (18:46) говорит, что смысл жизни человека состоит в прославлении Бога через все действия, которые он совершает (*свакармана*): “поклоняясь своими делами Тому, от кого произошли все существа, кем пронизана вся эта Вселенная, человек достигает совершенства” [4, с. 347]. Наивысшей целью жизни в индуизме считается *мокша* — освобождение от бесконечного перерождения [43].

Буддизм различает два типа духовного призвания: призвание к учению (*гатха-дхура*) и призвание к практике медитации (*випассана-дхура*). В первом случае практикующий помимо медитации занимается изучением священных текстов и передачей этих знаний ученикам. Во втором он полностью посвящает себя практике, нередко живя в полном отречении от мира в уединенных местах в горах или в лесу [36]. В более широком смысле общее призвание состоит в освобождении (*нирвана*), которое достигается через отказ от представления о “себе” (*анатман*) и познании пустоты (*суньята*) как природы всего. В буддизме Хинаяны тот, кто достиг освобождения, начинает учить этому других. В буддизме Махаяны те, кто приблизился к освобождению (*бодхисаттвы*), отказываются от него до тех пор, пока все остальные существа не достигнут освобождения, демонстрируя тем самым сострадание и пустотную природу всего (нет границы между *бодхисаттвой* и другими существами, так как все есть пустота) [48].

Конфуцианская традиция базируется на понятии гармонии, идеала, который ведет к совершенству. Путь к гармонии лежит через идею *тяньмин*, которая означает одновременно призыв Неба и судьбу, дарованную Небом. В некотором смысле аналогичная идее общего призвания Бога к спасению в Христианстве, *тяньмин* также интерпретируется как призвание Неба к следованию Пути человечности [44]. Призвание реализуется в культивировании себя через соблюдение ритуалов, обучении и стремлении к совершенству в выполнении каждой жизненной роли [26]. *Тяньмин* в смысле судьбы означает принятие тех аспектов реальности, которые человек не может контролировать, вместо того, чтобы негодовать на Небо. Еще одно понимание *тяньмин* — как мандата Неба на выполнение морального долга — походит на протестантские идеи призвания. К примеру, мандат династии состоит в том, чтобы осуществлять власть. Если призвание не осуществляется должным образом (как в случае династий Ся и Шан), мандат отзывается [44].

В отличие от конфуцианства, где культивирование себя является главной жизненной задачей, в даосизме призвание заключается в избавлении от себя как ментальной конструкции, в результате чего сознание становится чистым, как зеркало. Чжуан-цзы рекомендует для этого медитативные техники, такие как “находиться в забвении” и “соблюдать пост ума”, благодаря которым отступают ментальные паттерны (такие, как склонность присваивать ярлыки и судить в соответствии с определенными нормами). Помимо медитации, этого состояния можно достичь через развитие мастерства в чем-либо и полное погружение в соответствующую деятельность, когда исчезает граница между мастером и работой. В даосизме источником призвания является *Дао* (Путь), которое здесь, в отличие от конфуцианства, обозначает природу в широком смысле. Задача человека — очистить путь от своих умственных конструкций и дать *Дао* двигаться естественным путем [26].

Теперь вернемся к христианской традиции и проследим, как унаследованная от нее концепция призвания развивалась в западной философии, а затем и в психологии.

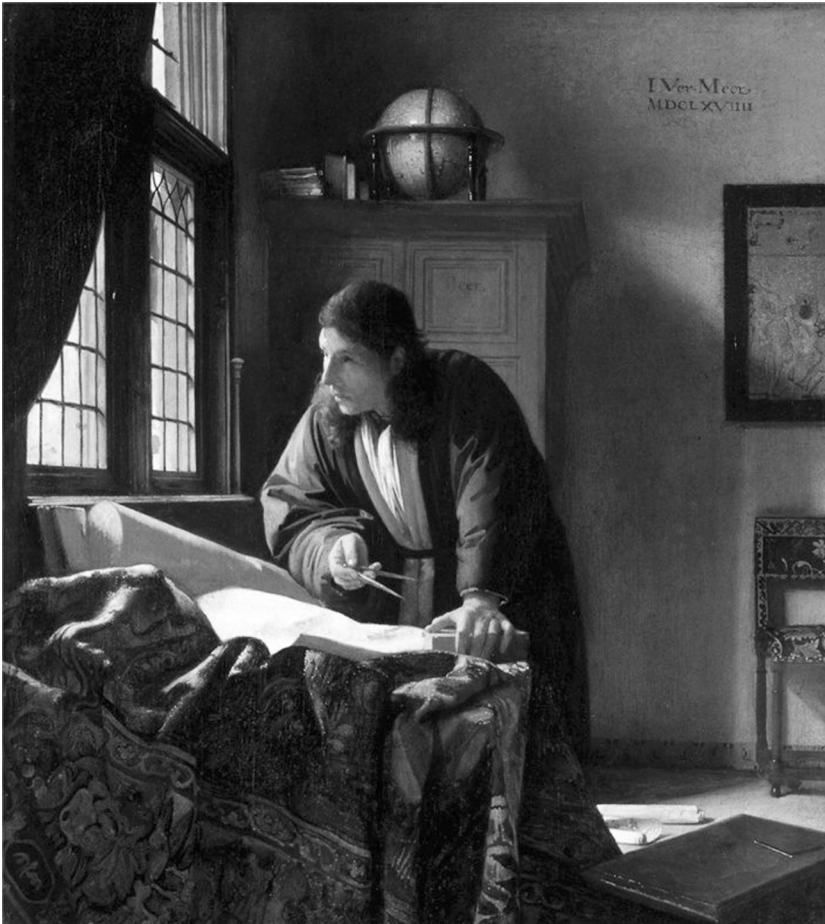
Концепции призвания в западной философии

В эпоху просвещения идеалы протестантской трудовой этики соединяются с гуманистической ориентацией на образование и развитие человеческого потенциала. Это отразилось и на понимании призвания. В трудах философов призвание приобретает телеономический характер. Содержание призвания трактуется как достижение морального совершенства. Впервые в рамках этой традиции явным образом поднимает тему призвания немецкий протестантский теолог и философ Й. Спалдинг, который утверждает, что оно заключается в вечном счастье, основанном на добродетели и морали [29]. И. Кант

рассуждает о призвании уже не отдельного человека, но всего человеческого рода. В “Лекциях по этике” он пишет, что “назначение человеческого рода состоит в наивысшем моральном совершенстве, которое достигается при помощи свободы человека, благодаря чему человек приобретает способность к высшему счастью” [8, с. 221]. Свобода, с точки зрения Канта, возможна благодаря наличию у человека разума, который обуславливает независимость от природных причинно-следственных законов. Свобода позволяет человеку совершать поступки, исходя из чистой воли к соблюдению морального закона. Совершенство же достигается через моральное поведение, культивирование благоразумия и развитие умений. Кроме того, Кант считает, что реализация призвания возможна не для отдельных людей, но только для всего человечества, и может быть достигнута через надлежащее воспитание и образование [29]. И. Фихте в ранних работах поддерживает идеи Канта о призвании как стремлении к моральному совершенству, но в дальнейшем склоняется к христианскому пониманию жизни. В своем труде “Призвание человека” он уже ставит во главу угла в реализации призвания не разум, а веру, то есть добровольное принятие истинности возникающих в нас мнений, оставляя разуму роль средства в выполнении призвания [16]. Г. Гегель, в отличие от Канта и Фихте, видящих реализацию призвания в возвышении над природой, утверждает: природа является воплощением мирового духа, который стремится “найти себя, прийти к себе и созерцать себя как действительность” [6, с. 25] и достигает наивысшей точки осознанности в разуме человека. Призвание человека состоит в том, чтобы выполнить волю мирового духа, а индивидуальные желания, интересы и действия, воспринимаемые людьми как свои собственные, являются лишь ее воплощением. Это особенно заметно в жизнях великих людей, чьи частные цели включают масштабные программы, составляющие волю мирового духа. Как и все остальные люди, они действуют, исходя из своих интересов, но раньше и лучше других понимают, что нужно и своевременно на данном историческом этапе [6].

В XIX–XX веках сосуществуют несколько философских течений, которые по-разному подходят к идее призвания. Развитие науки, материализм и прагматизм ставят под вопрос идею призвания как сверхъестественного указания. Л. Фейербах подвергает сомнению существование у человека некоего мистического призвания. С его точки зрения, назначение человека состоит попросту в том, чтобы быть человеческим существом, а это включает в себя и “низменную” деятельность, такую как еда и сон. В дополнение к этому, по Л. Фейербаху, у человека есть особое призвание. Однако оно представляет собой лишь занятие, которое тот выбирает в соответствии со своими склонностями и характером, но которое не имеет никакого отношения к высшим силам [24]. Дж. Дьюи также не связывает при-

**В стремлении
проверить алгеброй
гармонию**

звание с религией. Он определяет его как направление действий в жизни человека, значимое ввиду его последствий и полезное для других людей. Призвание может и должно включать различные области жизни и интересы, в достаточной мере задействует способности человека и позволяет систематизировать опыт, факты и информацию, которые тот накапливает в течение жизни. Оно также приносит человеку максимальную удовлетворенность при минимальном напряжении, а обществу — труд наивысшего качества. Дж. Дьюи также считает общим призванием всех людей интеллектуальный и моральный рост [7].

Под влиянием растущей секуляризации и распространения более прагматического отношения к жизни в представлениях о призвании начинают доминировать не ценностные (религиозные, моральные, мировоззренческие) аспекты, а чисто профессиональные. Понятие “призвание”, по существу, начинает ассоциироваться с профессиональной ориентацией. Идея призвания лишилась уже не только сакрального смысла, но и ка-

кой-то прямой связи с любыми сферами жизни, не относящимися к работе [41]. Зато помощь в поисках понимаемого таким образом призвания и сама стала чем-то вроде призвания. В США с ростом профессиональной мобильности и появлением новых возможностей профессиональной самореализации возникает дисциплина, название которой (“vocophy”) можно было бы перевести на русский язык как “профессиология”. Профессиологи (“vocophers”), которые, по сути, были первыми консультантами по профессиональной ориентации, используя методологию подбора профессий Л.С. Ричардса, помогали своим клиентам, главным образом представителям рабочего класса, найти подходящее для себя занятие в новой экономике [45].

Как и можно было ожидать, наступление прагматизма и усиливающаяся секуляризация вызвали обостренную реакцию в общественной мысли. В художественной литературе ярчайшим примером ее стал Достоевский, в философии — С. Кьеркегор и его более поздние последователи на Западе и в России. Кроме того, Кьеркегор считает, что после Реформации концепция призвания постепенно потеряла свой изначальный смысл и выродилась в эгоистическое стремление к материальному успеху. В цикле работ “Назидательные речи в различном духе” он показывает ограниченность концепции призвания, основанной лишь на этике, обличает тенденцию к систематическому уклонению людей от подлинного призвания и провозглашает связь истинно христианского призвания со страданием [42]. Кьеркегор, в частности, критикует Г. Гегеля, для которого вера выступает лишь первым шагом к более высокому уровню философского знания. С точки зрения датского философа, вера идет дальше базовых этических принципов, как в библейском эпизоде с жертвоприношением Исаака, и сама может быть наивысшим призванием [9]. Поиск призвания волнует С. Кьеркегора и в контексте его собственной жизни. В дневниковой записи от 1 августа 1835 года он пишет, что видит главную задачу в нахождении смысла собственного существования, идеи, ради которой он будет готов жить и умереть. Без этого любое знание и деятельность теряют всякий смысл [37]. Обретение себя настоящего, отделение от толпы является главной задачей человека и для Ф. Ницше, который считает процесс самопознания главной экзистенциальной трудностью [11]. К. Ясперс называет высшей формой самопознания осознание себя как экзистенции. Он определяет экзистенцию как бесконечный потенциал, возможность в выборе и решении, которая либо воплощается как бытие, либо уходит в ничто. Экзистенцию невозможно понять через эмпирические исследования и онтологические и этические доктрины, но только через столкновение с пограничными ситуациями, такими как смерть и страдание, а также через экзистенциальную коммуникацию — личные, близкие отношения с другим человеком [23].

На протяжении XX века философы продолжают развивать идею призвания как самореализации. Х. Ортега-и-Гассет говорит о том, что каждый человек является проектом бытия, который “дан до всех идей, созданных человеческим умом, и до всех решений, принятых человеческой волей” [12, с. 439]. Попытка идти против своего проекта приводит к подмене, фальсификации жизни и страданию, тогда как его осуществление вызывает радость. Распознать свой проект возможно только прилагая для этого усилия, преодолевая препятствия и сопротивление. В безопасности же и в избытке легких возможностей “я” так и остается нереализованным [12]. Э. Мунье утверждает, что призвание познается в единстве человеческой личности, в поиске себя среди отвлекающих мотивов. Оно взывает к нам на языке, для постижения которого потребуются целая жизнь. Услышав этот голос, человек реализует его слова в деятельности, проверяет их в борьбе и неизвестности, но даже после этого не может быть уверен в том, что правильно понял их значение [10].

Параллельно с этим в рамках философской и социологической рефлексии делаются попытки рационально истолковать и ввести в научный оборот понятие призвания, не сводя его при этом к чисто профессиональным моментам. Так, П. Бурдьё рассуждает о призвании в контексте социальных взаимодействий. Он отмечает, что деятельность человека есть результат согласия между его субъективным призванием, то есть, тем, для чего он чувствует себя сотворенным, и объективной миссией — тем, чего от него ждут; между тем, что сделала с ним история, и тем, что она требует от него сделать. Если эти векторы направлены в одну сторону, то человек ощущает себя “на своем месте”, делает то, ради чего создан. В противном случае он с меньшей радостью, в покорной убежденности, что невозможно делать что-то другое, смиряется, убеждая себя, что создан для того, что уже делает [3].

Призвание является важной темой и для русской философской мысли. Для Л.Н. Толстого смысл жизни заключается в нравственном совершенствовании. Главными ценностями в этике Толстого выступают счастье, любовь, смирение и мужество [14]. Нравственное совершенствование приводит к высшему благу — любви. “Увеличить благо людей наукой — цивилизацией, культурой, так же невозможно, как сделать то, чтобы на водяной плоскости вода в одном месте стояла бы выше, чем в других. Увеличение блага людей только от увеличения любви, которая по свойству своему равняет всех людей... Благо только от увеличения любви” [15, т. 19, с. 169]. Смирение же направлено на противостояние соблазнам и исполнение своих обязанностей, главной из которых Л. Н. Толстой считает служение другим [15].

Н.А. Бердяев говорит, что призвание, с одной стороны, сохраняет единство всей жизни человека, а с другой, — привно-

сит в нее изменение, творчество. Каждая личность имеет свое призвание и предназначение в мире, “обладает самоценностью, она не может быть обращена в средство” [1, с. 147]. Реализации личности одинаково мешают как эгоцентризм, так и подчинение общему, родовому и целому; она неизбежно связана с болью и страданиями. С точки зрения Н.А. Бердяева, “реализация личности есть также реализация общения, жизни социальной и космической, преодоление того уединения, которое влечет за собою смерть” [1, с. 184]. Именно любовь, субъектное отношение к себе и ближнему, позволяет сохранять целостность личности в постоянном изменении [1].

С.А. Франк пишет, что только в исполнении призвания, в служении чему-то иному, сверхличной и самодовлеющей ценности, жизнь обретает смысл. Наиболее очевидным целым, часть которого мы составляем, может быть жизнь народа или человечества. Но история показывает несостоятельность идеи о предельной цели человечества и делает существование человечества таким же бессмысленным, как и существование отдельного человека. Даже существования Бога недостаточно для обретения смысла нашей жизни, так как оно вступает в противоречие со всем страданием, существующим в мире. Однако, продолжает Франк, само осознание тотальной бессмысленности и стремление человека к обретению смысла свидетельствует о наличии смысла и, развивая эту идею, приходит к тому, что за жизнью эмпирической существует духовная жизнь, жизнь человека в Боге и Бога в человеке. Смысл жизни, по С.А. Франку, в том, чтобы смотреть внутрь себя и собой являть смысл [17].

Призвание как психологический конструкт

В психологии тема призвания на протяжении практически всего XX века присутствует, главным образом, в виде философских рассуждений в психоаналитической (Э. Фромм, К. Юнг) и затем экзистенциальной школе (В. Франкл), а в России — в психологии развития и педагогике (М.М. Рубинштейн). Эмпирические исследования начинаются в 80-х годах XX века, и с начала 2000-х объем исследований быстро растет.

Э. Фромм одним из первых попытался объединить психоаналитический подход с экзистенциальным. Он приходит к выводу, что назначение человека состоит, прежде всего, в том, чтобы быть живым, то есть актуализировать потенциал, заложенный природой, становясь собой и развивая свою индивидуальность [20]. Для Фромма сам человек является центром и смыслом своего существования, и никакие другие смыслы, претендующие на большую значимость, такие как политические идеологии, не могут быть выше реализации его личности [19]. В других своих работах Фромм утверждает, что потребность в постоянном доказывании себе собственной состоя-

Почти по Веберу.
Наука как
призвание

тельности и наличия смысла в жизни возникла с изгнанием из рая, отсоединением человека от природы. С этого момента человек в своем стремлении преодолеть чувство отделенности от природы, других людей и себя самого обречен на поиски утраченной гармонии, абсолютности. Обрести утраченное единство возможно в любви, в соединенности с другими и с самим собой [20].

К. Юнг использует понятие “предназначение” в контексте развития личности и считает его “иррациональным фактором”, который толкает человека на его особый путь [22, с. 196]. Он также отмечает два условия, при которых происходят изменения: внешнюю необходимость (то есть, такое влияние “судеб, исходящих изнутри и приходящих извне” [22, с. 193], при котором идти по старому пути становится невозможно) и сознательное моральное решение. Предназначение может быть как очень ярким и конкретным, как у великих личностей, так и размытым. Жизнь в соответствии с предназначением, по К. Юнгу, ведет к достижению личностной целостности, но связана с противопоставлением себя массе, живущей по существующим конвенциям, с одиночеством и постоянным столкновением со своими демонами, которые на самом деле воплощают демонов народа и всего человечества [22].

В. Франкл подчеркивает, что у каждого человека свое собственное призвание, конкретная жизненная задача, которую ему необходимо выполнить. В этом смысле каждый человек незаменим и каждая жизнь неповторима. Стремление к обре-

тению смысла — главная мотивирующая сила. Исходя из этого он создал свою психотерапевтическую систему логотерапии, основанную на поиске смысла в жизни [18].

В России о призвании рассуждает М.М. Рубинштейн в труде “Психология, педагогика и гигиена юности”, написанном в соавторстве с В.Е. Игнатьевым. “Юность <...> ищет не просто профессии, а профессии, претворенной в призвание” [13, с. 184]. Он также называет основные характеристики призвания. Это устойчивая любовь и интерес к делу, сознание таланта или пригодности к нему, понимание не только выгоды, но и смысла и ценности дела для себя и общества, понимание перспектив. “Такая профессия, превращенная в призвание, открывает юному человеку возможность не только зарабатывать, но и жить в полном смысле на этом пути” [13, с. 184]. Он также отмечает, что юность стремится к поиску своей идентичности, к смыслу и творчеству, и школа должна ей в этом помогать.

Одним из первых эмпирических исследований, в котором фигурирует понятие призвания, стало социологическое исследование жизни американцев, выполненное Р. Белла и его коллегами [25]. Одной из задач было изучение роли работы в конструировании смысла жизни. Исследователи пришли к выводу, что у людей доминируют три основных подхода к работе: в ней видят труд, карьеру или призвание. Работа как труд сводится к зарабатыванию денег и приобретению материальных благ и обеспечивает чувство экономического успеха и безопасности. Работа как карьера выступает как источник самоуважения, отражая продвижение и достижения внутри профессии. Она приносит чувство социального успеха, увеличения власти и роста компетентности. Работа как призвание морально неотделима от жизни человека и соединяет его как с профессиональным сообществом, так и с обществом в целом путем служения общему благу. Эта работа дала начало эмпирическим исследованиям феномена призвания. Подход Р. Белла и его соавторов использовали Дж. Дэвидсон и Д. Каделл для изучения личностных характеристик людей, ощущающих религиозное призвание к своей работе [30], а также Э. Вжесневски и его коллеги для исследования призвания уже отдельно от религии [48].

В дальнейшем тему призвания развивают другие исследователи в рамках организационной психологии и психологии личности. Они делают акцент на различных компонентах призвания: трансцендентном характере, сочетаемости личности и профессии, увлеченности работой. В. Майерс отмечает, что те компоненты призвания, которые были наиболее важны раньше (моральный долг, связь с религией), потеряли значимость в современных исследованиях, в то время как вышеупомянутые компоненты все более активно освещаются исследователями [41]. Это может быть связано как с реальными культурными сдвигами в обществе, так и с научными интересами исследователей. Необходимо отметить, что призвание — относительно

новая тема в психологии, и исследователи пока не пришли к согласию в отношении определения призвания, его связи с другими психологическими конструктами и инструментов измерения, поэтому пока трудно говорить о полноценной теории, описывающей данный феномен.

Заключение

Принимая во внимание богатую историю философской рефлексии и научных исследований феномена призвания, можно констатировать необходимость развития междисциплинарных исследований на пересечении психологии, образования, теологии и менеджмента, а также кросс-культурных исследований, охватывающие сходные концепции в различных традициях. Такого рода исследования позволили бы построить более согласованную теорию этого чрезвычайно актуального сегодня феномена.

Уже делаются первые шаги в обоих направлениях. В 2013 году командой М. Селигмана в Кенте (Великобритания) была организована конференция с участием выдающихся религиозных и светских исследователей, затрагивавших в своих трудах тему призвания. По итогам конференции была выпущена монография “Призвание: научные, светские и религиозные взгляды” [50]. Кроме того, в 2014–2016 годах Институт экуменических и культурных исследований в Колледжвилле (США) провел анализ концепций призвания в различных религиозных традициях и выпустил монографию “Призвание в современном мире: голоса восьми религиозных традиций” [28]. Продолжение кросс-культурного и междисциплинарного диалога — необходимое условие создания полноценной теории и основанных на ней интервенций, которые могли бы значительно обогатить существующие практики в психологии, образовании и менеджменте.

Литература

1. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Париж: YMCA Press, 1934.
2. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
3. Бхагавадгита / Пер. с санскрита Д. Бурбы. М.: РИПОЛ классик, 2009.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем.; сост. и общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Директ-Медиа, 2011.
5. Гегель Ф. Философия истории. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935.
6. Дьюи Дж. Демократия и образование / Пер. с англ. М.: Педагогика-Пресс, 2000.
7. Кант И. Лекции по этике / Пер. с нем.; общ.ред., сост. и вступл. ст. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 2000.

8. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
9. *Мунье Э.* Персонализм / Пер. с фр. и примеч. И.С. Вдовина. М.: Искусство, 1992.
10. *Ницше Ф.* Странник и его тень. М.: REFL-book, 1994.
11. *Ортега-и-Гассет Х.* В поисках Гете // Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г.М. Фридлендера; сост. В.Е. Багно. М.: Искусство, 1991. С. 418–454.
12. *Рубинштейн М.М., Игнатъев В.Е.* Психология, педагогика и гигиена юности. М.: Мир, 1926.
13. *Толстой Л.Н.* Путь жизни / Сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Николюкина. М.: Высш. шк., 1993.
14. *Толстой Л.Н.* Собр. соч. в 20 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. С. 65.
15. *Фихте И.* Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение / Пер. с нем. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.
16. *Франк С.Л.* Смысл жизни // Смысл жизни: Антология / Сост. общ. ред.; предисл. и прим. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс — Культура, 1994.
17. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Библиотека зарубежной психологии. М.: Книга по Требованию, 2012.
18. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Пер. с англ. Г. Ф. Швейника. М.: Аст, 2011.
19. *Фромм Э.* Человек для самого себя / Пер. с англ. Э. Спириной. М.: АСТ, 2009.
20. *Шри Ауробиндо.* Собр. соч. Т. 11. Эссе о Гите — I / Пер. с англ. СПб.: Адити, 2008.
21. *Юнг К.* Собрание сочинений. Конфликты детской души / Пер. с нем. М.: Канон, 1997.
22. *Ясперс К.* Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / Пер. с нем. А.К. Судакова. М.: “Канон+” РООИ “Реабилитация”, 2012.
23. *Ajouri P.* ‘Thevocationofman’ — ‘Die Bestimmung de Menschen’: A teleological concept of the German Enlightenment and its aftermath in the nineteenth century // Historical Teleologies in the Modern World. Truper H., Chakrabarty D., Subrahmanyam S. (Eds.). Bloomsbury Academic, 2015.
24. *Bellah R.N., Madsen N., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M.* Habits of the heart: individualism and commitment in American life. University of California Press, 1985.
25. *Berkson M.* The cultivation, calling and loss of the self. Confucian and Daoist perspectives on vocation // Calling in today’s world. Voices from eight faith perspectives.
26. *Cahalan K.A.* Called to follow: vocation in the Catholic tradition // Cahalan K.A., Schuurman D.J. (Eds.). Calling in today’s world. Voices from eight faith perspectives.
27. Calling in today’s world. Voices from eight faith perspectives / Ed. by K.A. Cahalan, D.J. Schuurman / Grand Rapids: William B. Eerdmans Publ., 2016.
28. *Cavallar G.* Dynamic cosmopolitanism: A brief sketch with a special emphasis on Kant // Sanahuja L.C., Ghia F. Cosmopolitanism: Between ideals and reality. Cambridge Scholars Publ., 2015.
29. *Davidson J. C., Caddell D. P.* Religion and the meaning of work // Journal for the Scientific Study of Religion. 1994. Vol. 33. P. 135–147.
30. *Dawson J.* A history of vocation: Tracing a keyword of work, meaning, and moral purpose // Adult Education Quarterly. 2005. Vol. 55(3). P. 220–231.
31. *Di Giovanni G.* Freedom and religion in Kant and his immediate successors: The vocation of humankind, 1774–1800. Cambridge University Press, 2005.

32. *Eilberg A. Hineini (Here I am)*. Jewish reflections on calling // Calling in today's world. Voices from eight faith perspectives.

33. *Encyclopedia of Buddhism* / Ed. by D. Keown, C. Spreibish / Abingdon: Routledge, 2004.

34. *Hermancen M*. Islamic concepts of vocation // Revisiting the idea of vocation: Theological explorations. (Ed.). Haughey J. C Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2004.

35. *Kempster J.H.* "Be thou my vision": mystical experience and religious calling // Being called: scientific, secular, and sacred perspectives.

36. *Kierkegaard S*. Papers and journals: A selection / trans. by A. Hannay. London: Penguin, 1996.

37. *Kirschner R*. The vocation of holiness in late antiquity // *Vigiliae Christianae*. 1984. Vol. 38(2). P. 105–124.

38. *Koldren M*. Luther on Vocation // *Word & World*. 1983. Vol. 3/4. P. 382–390.

39. *Michaelsen R.S*. Changes in the Puritan Concept of Calling or Vocation // *The New England Quarterly*. 1953. Vol. 26(3). P. 315–336.

40. *Myers V.L*. Conversations about calling: Advancing management perspectives. Abingdon : Routledge, 2013.

41. *Nelson C.A.P*. Kierkegaard's concept of vocation in "An occasional discourse" // Perkins R.L. (Ed.). *International Kierkegaard Commentary: Upbuilding discourses in various spirits*. Macon: Mercer University Press, 2006.

42. *Rambachan A*. Worship, the public good and self-fulfillment: Hindu perspectives on calling // Calling in today's world. Voices from eight faith perspectives.

43. *Redse A*. 'Justification by grace alone': Facing Confucian self-cultivation: The Christian doctrine of justification contextualized to new Confucianism. Boston: BRILL, 2015.

44. *Richards L.S*. Vocophy: The new profession. A system enabling a person to name the calling or vocation one is best suited to follow. Marlboro, MA: Pratt, 1881.

45. *Salamun K*. Karl Jaspers' conceptions of the meaning of life // *An International Journal in Philosophy, Religion, Politics, and the Arts*. 2006. Vol. 1 (1–2). P. 1–8.

46. *Stone A*. John Calvin, the work ethic, and vocation // *WRS Journal*. 2009. Vol. 16(2). P. 24–30.

47. *Unno M*. The calling of no-calling : vocation in Nikaya and Mahayana Buddhism // Calling in today's world. Voices from eight faith perspectives.

48. *Wrzesniewski A., McCauley C., Rozin P., Schwartz B*. Jobs, careers, and callings: people's relations to their work // *Journal of Research on Personality*. 1997. Vol. 31. P. 21–33.

49. *Yaden D.B., McCall T.D., Ellens J.H.* (Eds.). Being called: scientific, secular and sacred perspectives. Westport :Praeger, 2015.